ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ДАЙДЖЕСТ

Илья КАШНИЦКИЙ

- Sanderson W.C., S. Scherbov. *Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging*
- Dukhovnov D., E. Zagheni. *Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex*
- Wahrendorf M. *Previous employment histories and quality of life in older ages: sequence analyses using SHARELIFE*
- Norberg K., J. Pantano. *Cesarean sections and subsequent fertility*
- Fox J., M. Myrskylä. *Urban fertility responses to local government programs: Evidence from the 1923-1932 U.S.*
- Herr J.L. *Measuring the effect of the timing of first birth on wages*
- Myrskylä M., R. Margolis. *Happiness: Before and after the kids*
- Switek M. *Internal migration and life satisfaction: Well-being paths of young adult migrants*
- Van Mol C., H.A.G. de Valk. *Relationship satisfaction of European binational couples in the Netherlands*
- Klüsener S., J.R. Goldstein. *A long-standing demographic East–West divide in Germany*
- Barclay K., M. Kolk. *Birth order and mortality: A Population-based cohort study*

FASTER INCREASES IN HUMAN LIFE EXPECTANCY COULD LEAD TO SLOWER POPULATION AGING

[Sanderson W.C., S. Scherbov (2015). Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging // PLoS ONE. 10(4): e0121922]

Уорен Сандерсон и Сергей Щербов опубликовали очередную статью, наглядно демонстрирующую преимущества разработанного ими подхода к оценке старения населения — проспективного старения (Prospective Aging). Как часто бывает у данных авторов, название статьи емко характеризует главный результат. А результат звучит довольно парадоксально: ускорение прироста ожидаемой продолжительности жизни может привести к замедлению старения населения. Вроде бы алармистские заголовки газет (да и многих научных статей) утверждают ровно противоположное. В чем же хитрость?

* **Илья Савельевич Кашницкий**. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ» (РОССИЯ). РНД кандидат УНИВЕРСИТЕТА ГРОНИНГЕНА (RUG) и НИДЕРЛАНДСКОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (NIDI).

E-mail: ikashnitsky@hse.ru

Все дело в понимании старения. На протяжении последнего десятилетия авторы активно призывают пересмотреть наши взгляды на то, что собой представляет старение населения^{1,2,3}. Главная идея их революционного подхода заключается в попытке объективного определения границы старости в современных обществах. Прогресс в снижении смертности во всех возрастах позволяет все большей части населения доживать до все более преклонных лет. Граница пенсионного возраста, наиболее отчетливая социальная граница старости, неизбежно отодвигается (как любая реакция на социальное изменение - с некоторым запозданием) в развитых странах. Если совсем упрощать, сегодняшние 80-летние — это 65-летние несколько десятилетий назад. В условиях продолжающегося снижения смертности Сандерсон и Щербов предлагают проводить границу старости, основываясь на таблицах смертности (по показателю остаточной продолжительности жизни). Тут, конечно, возникает вопрос: насколько продолжительный остаток жизни стоит считать старостью. Проанализировав исторические данные развитых стран, авторы предлагают считать старой ту часть населения, которой осталось прожить 15 лет. Подобный подход радикально меняет картину старения. К примеру, в соответствии с проспективным определением границы старости женщины Франции должны были бы считаться пожилыми в возрасте 58,4 года в 1900 г., 64,8 года в 1956 г. и 74,6 года в 2012 г.

Для иллюстрации метода в статье авторы предлагают рассмотреть три прогнозных (когортно-компонентный демографический прогноз) сценария развития демографической структуры населения Европы с 2013 по 2050 г. Первый сценарий предполагает отсутствие роста ожидаемой продолжительности жизни при рождении, т.е. неизменный уровень смертности 2013 г. во всех возрастах на протяжении всего периода прогноза. Для второго и третьего сценария использованы прогнозные данные изменения смертности из подготовленного Венским институтом демографии European Demographic Data Sheet (EDDS) 2014⁴. Второй сценарий предполагает половину изменения (снижения) возрастных коэффициентов смертности, третий — снижение в соответствии с прогнозом EDDS.

Пересмотр определения границы старости кардинально меняет взгляды на демографическое будущее Европы. Рост доли пожилого населения не будет ускоряться (рисунок 1), а медианный возраст населения (рисунок 2), согласно третьему сценарию, и вовсе может сократиться.

¹ Sanderson W.C., S. Scherbov (2005). Average remaining lifetimes can increase as human populations age // *Nature*. 435(7043): 811–813.

² Sanderson W.C., S. Scherbov (2007). A new perspective on population aging // *Demographic Research*. 16(2): 27–58.

³ Sanderson W.C., S. Scherbov (2010). Remeasuring Aging // *Science*. 329(5997): 1287–1288. URL: <http://doi.org/10.1126/science.1193647>

⁴ VID. European Demographic Data Sheet 2014 [Internet] (2014). Vienna, Austria: Vienna Institute of Demography. URL: http://www.iiasa.ac.at/web/home/research/researchPrograms/WorldPopulation/PublicationsMediaCoverage/Models/Data/EU_data_sheet_2014.pdf

Рисунок 1. Изменение доли пожилого населения Европы с 2013 по 2050 г. при разном определении границы старости и различных сценариях изменения возрастных коэффициентов смертности

Рисунок 2. Изменение медианного возраста населения Европы с 2013 по 2050 г. при разном определении границы старости и различных сценариях изменения возрастных коэффициентов смертности

В обсуждении авторы отмечают, что выводы анализа не меняются, если принимать за традиционную границу старости возраста 60, 65 или 70 лет, а перспективную границу

старости устанавливать на уровне 10, 15 или 20 лет остаточной продолжительности жизни. В приложении к статье все результаты приведены с разбивкой по странам.

WHO TAKES CARE OF WHOM IN THE UNITED STATES? TIME TRANSFERS BY AGE AND SEX

[Dukhovnov D., E. Zagheni (2015). Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex // Population and Development Review. 41(2): 183-206]

Кто за кем ухаживает? Дэнис Духовнов и Эмилио Зажени изучили взаимосвязи поколений в США в контексте оказания неформальной помощи. Под неформальной помощью принято понимать не денежную и не институционализированную помощь. Как правило, она оказывается в семье. Неформальная помощь трудно поддается учету. При этом пренебрежение ею приводит к сильно искаженной картине межпоколенных трансфертов. По экспертным оценкам, в 2012 г. в США неформальной помощи суммарно было оказано в объеме более 1 млрд трудовых часов в неделю, что эквивалентно работе 30,5 млн профессиональных социальных работников при их полной занятости.

Авторы использовали данные Американского исследования использования времени (American Time Use Survey, ATUS) за 2011-2013 гг., с помощью которых рассчитали временные трансферты по полу и пятилетним возрастным группам. В целом наиболее активными потребителями неформальной помощи остаются дети (рисунок 3).

Рисунок 3. Возрастные профили производства (зеленая линия) и потребления (красная линия) неформальной помощи в США, 2011-2013

Особое внимание в работе уделено так называемому сэндвич-поколению: это люди средних лет, вынужденные оказывать поддержку одновременно и детям, и пожилым. Определение данного поколения варьируется в различных исследованиях. Духовнов и

Зажени на основании данных ATUS отнесли к нему исключительно тех респондентов, которые ежедневно оказывают помощь как минимум одному ребенку и одному пожилому. Таких оказалось не более 3% от всех опрошенных (всего же до трети американцев вовлечены в оказание регулярной неформальной помощи). Представителям сэндвич-поколения вполне ожидаемо приходится жертвовать существенно большим временем (рисунок 4).

Рисунок 4. Средняя продолжительность оказания ежедневной неформальной помощи: сэндвич-поколение (желтый) на фоне всех прочих

Поскольку данные обследования репрезентативны для США, авторы производят оценку соотношения предоставляющих и получающих неформальную помощь и рассчитывают дефицит неформальной помощи, развитие показателей прогнозируется до 2050 г. (рисунок 5).

Любопытно, что наибольшая нехватка неформальной помощи наблюдалась в 1960-х и 1970-х годах и была связана с бэби-бумом.

В целом, отмечают авторы, неформальная помощь в основном направлена от старших поколений к младшим. Неожиданным результатом стала существенная интенсивность помощи внутри пятилетних возрастных групп, которая, очевидно, связана с оказанием помощи своим супругам или партнерам.

Рисунок 5. Соотношение предоставляющих и получающих неформальную помощь (синяя линия, левая шкала) и дефицит неформальной помощи (оранжевая линия, правая шкала), выраженный в эквиваленте социальных работников на полной занятости, США, 1950-2050

Примечание: При прогнозе до 2050 г. временные трансферты приняты неизменными на уровне 2011-2013 гг.

PREVIOUS EMPLOYMENT HISTORIES AND QUALITY OF LIFE IN OLDER AGES: SEQUENCE ANALYSES USING SHARELIFE

[Wahrendorf M. (2015). Previous employment histories and quality of life in older ages: sequence analyses using SHARELIFE // Ageing & Society. 35(09): 1928-1959]

Мортен Варендорф исследовал зависимость качества жизни на старости лет от истории трудоустройства на протяжении жизни. Для этого он применил анализ последовательностей к индивидуальным данным Обследования здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe, SHARE). Были проанализированы завершённые карьерные траектории (с 30 до 65 лет) 4808 мужчин и 4907 женщин из 13 стран Евросоюза в возрасте от 65 лет на момент обследования.

Все многообразие индивидуальных карьерных траекторий с помощью анализа последовательностей было сгруппировано в 10 кластеров отдельно для мужчин (рисунок 6) и женщин (рисунок 7). Суммарная статистика по кластерам - в таблице 1, по состояниям - в таблице 2.

Рисунок 6. Трудоустройство мужчин по возрасту и кластерам (N=4808)

Рисунок 7. Трудоустройство женщин по возрасту и кластерам (N=4907)

Женщины вполне ожидаемо обладают гораздо более турбулентной карьерной историей. Доминантным состоянием для мужчин, безусловно, является работа на полную занятость, тогда как для женщин наряду с официальным трудоустройством не меньшее значение имеет неформальная занятость дома. Кроме того, женщины существенно большую часть карьеры проводят, работая при частичной занятости.

Далее с помощью регрессионного анализа проверялась зависимость между определенным типом истории трудоустройства и уровнем благополучия на старости лет.

Дабы отсеять возможность обратной зависимости (когда слабое здоровье мешает нормальному развитию карьеры), все индивидуумы с проблемами здоровья на протяжении трудоспособного возраста были исключены из рассмотрения.

Таблица 1. Суммарная статистика по кластерам

Кластер	Мужчины			Женщины		
	число наблюдений	%	индекс однородности	число наблюдений	%	индекс однородности
1	640	13,31	0,004	350	7,13	0,381
2	36	0,75	0,141	382	7,78	0,422
3	1208	25,12	0,040	385	7,85	0,045
4	564	11,73	0,013	175	3,57	0,169
5	779	16,20	0,010	518	10,56	0,070
6	500	10,40	0,074	903	18,40	0,142
7	519	10,79	0,035	108	2,20	0,454
8	317	6,59	0,084	338	6,89	0,243
9	130	2,70	0,203	284	5,79	0,400
10	115	2,39	0,184	1464	29,83	0,062
Всего	4808			4907		
Псевдо R ²	0,744			0,721		

Все сравнения производились с кластерами первого типа, классическими карьерными историями работы на полную занятость на протяжении большей части трудовой жизни. Этот тип карьерной истории характерен для 95% мужчин и лишь для 40% женщин. Для мужчин ранний выход на пенсию (до 55 лет) однозначно ассоциировался с более низким уровнем жизни на старости лет. У женщин низкий уровень жизни в пожилом возрасте связан с преобладанием домашней занятости или безработицы на протяжении карьеры. И мужчины, и женщины живут хуже в старости, если их карьера закончилась безработным состоянием до 65 лет. Любопытно, что женщины не испытывают худших условий жизни, если их преимущественно трудоустроенная карьера заканчивалась домашним трудом на зрелом этапе карьеры. В целом менее хаотичные трудовые карьеры ассоциируются с большим достатком на старости лет, особенно это характерно для мужчин. Эта закономерность лишь отчасти может быть объяснена более высокими текущими доходами пенсионеров с успешными карьерами в прошлом.

Таблица 2. Суммарная статистика карьерных траекторий

	Мужчины		Женщины	
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение
Число наблюдений	4808		4907	
Средняя продолжительность (годы):				
работа на полную занятость	30,23	5,36	14,22	13,41
работа на частичную занятость	0,34	3,02	3,22	8,00
работа дома	0,26	1,72	14,41	15,16
без работы	0,51	2,36	0,65	3,42
на пенсии	4,68	4,22	3,40	4,51
Среднее число изменений состояния	1,99	0,62	2,20	1,12
Энтропия Шэннона	0,53	0,33	0,64	0,52

CESAREAN SECTIONS AND SUBSEQUENT FERTILITY

[Norberg K., J. Pantano (2016). Cesarean sections and subsequent fertility // Journal of Population Economics. 29(1): 5-37]

Кэрин Норберг и Хуан Пантано изучают, как кесарево сечение отражается на последующей репродуктивной деятельности женщин. В самом начале статьи они отмечают, что кесарево сечение становится все более распространенной практикой родовспоможения и в скором времени можно ожидать, что большая часть родов будет проходить при активном хирургическом вмешательстве. В США доля таких родов выросла с 4-6% в 1940 г. до 32,9% в 2009 г. При этом многочисленные исследования с тревогой фиксируют сильное сокращение рождаемости у женщин, прошедших через кесарево сечение. До сих пор объяснительные модели этого сокращения базировались в основном на анализе физиологических последствий сложных родов. Норберг и Пантано предлагают взглянуть на проблему под новым, демографическим, углом. Изучив данные нескольких крупных обследований (NSFG, NLSY79, DHS), они пришли к выводу, что значительная доля снижения рождаемости после кесарева сечения может быть объяснена сознательным отказом женщин от дальнейших родов, т.е. изменением взглядов на дальнейшее планирование семьи. После кесарева сечения резко возрастает склонность женщин использовать активные методы контрацепции.

Результаты моделирования показывают, что статистически значимое снижение рождаемости наблюдается для всех женщин, переживших кесарево сечение, вне зависимости от очередности рождения, при котором понадобилось хирургическое вмешательство, или данных, использованных для анализа. При этом во всех регрессионных моделях осуществлялся контроль уровня образования, расы и возраста матери при родах, а также пола ребенка, при рождении которого применялось кесарево сечение. Примечательно, что снижение рождаемости сильнее для женщин, для которых роды с кесаревым сечением оказались не первыми родами в жизни (рисунок 8).

Но снижение рождаемости - вполне ожидаемый результат, который лишь подтверждает многочисленные предыдущие исследования. Авторы статьи идут дальше и анализируют взаимную зависимость родов с кесаревым сечением и последующего использования активной контрацепции женщинами и находят сильную положительную корреляцию. При подобном моделировании также обнаруживается усиление эффекта в зависимости от очередности рождения: женщины, которым делали кесарево сечение во время первых родов, менее склонны к последующему отказу от деторождения. И тут исследователи задаются красивым вопросом: а не может ли быть так, что вероятность кесарева сечения выше у женщин, завершающих свою репродуктивную "карьеру"? Моделирование показывает, что статистически значимой взаимосвязи нет.

Еще более любопытный дополнительный вопрос, который тестируют авторы статьи, затрагивает изменение представлений об идеальном размере семьи после кесарева сечения. С помощью панельных данных (NLSY79) авторы корректно отвечают на это вопрос. Во всех случаях наблюдается снижение желаемого числа детей после кесарева сечения.

В завершение своего многогранного анализа авторы предлагают будущим исследователям вопроса постараться выработать квазиэкспериментальный подход к исследованию, чтобы можно было с полной уверенностью говорить о влиянии кесарева сечения на последующую рождаемость, а не только фиксировать наличие сильной и статистически значимой корреляции.

А.

Б.

Рисунок 8. Влияние кесарева сечения на вероятность последующих родов: А - кесарево сечение при первых родах; Б - при последующих родах

URBAN FERTILITY RESPONSES TO LOCAL GOVERNMENT PROGRAMS: EVIDENCE FROM THE 1923-1932 U.S.

[Fox J., M. Myrskylä (2015). *Urban fertility responses to local government programs: Evidence from the 1923-1932 U.S.* // *Demographic Research*. 32: 487-532]

Джонатан Фокс и Микко Мюрскюла оценили, насколько значимый эффект оказывали на рождаемость меры финансовой поддержки, осуществляемой на местах, в США в 1923-1932 гг. Именно в эти годы в большинстве городов США рождаемость опустилась ниже уровня простого воспроизводства (рисунок 9).

Рисунок 9. Тренды рождаемости в городах США с 1923 по 1932 г.

Примечание: Отображенный показатель - нормированный коэффициент рождаемости (число рожденных в данном году детей на одну женщину в возрасте 15-44 года в указанном городе, умноженное на 30 для сопоставимости с коэффициентом суммарной рождаемости). Уровень простого воспроизводства для данного периода (2,3) рассчитан с учетом соотношения полов при рождении и младенческой смертности.

Авторы отмечают, что за исключением достаточно хорошо изученных локальных подъемов рождаемости в 1940-50-х и 1970-х годах, начиная с середины XIX века в США наблюдается снижение рождаемости. В разные временные отрезки и в разных частях страны непосредственные факторы, способствовавшие снижению рождаемости, сильно варьировались. В изучаемый период в США активно развивались муниципальные программы по поддержке здоровья и благосостояния. И хотя их прямой целью не было заявлено ускорение снижения рождаемости, проведенный анализ показывает, что в тех городах, где программы привлекали большее финансирование, рождаемость снижалась существенно быстрее. Среди муниципальных программ авторы фокусируют внимание на

трех направлениях: сохранение жизни младенцев, благотворительность в пользу матерей и детей, уход за малоимущими.

Регрессионная модель, учитывающая максимальное количество контрольных переменных, показывает, что наибольший косвенный эффект на снижение рождаемости оказывали меры по сохранению жизни младенцев. Эта мера, изначально направленная на снижение смертности, ответственна за 10% снижения уровня рождаемости за исследуемый период. Авторы отдельно отмечают, что ни в каких исторических документах, относящихся к внедрению программ, не нашли упоминаний о целенаправленном воздействии на рождаемость.

MEASURING THE EFFECT OF THE TIMING OF FIRST BIRTH ON WAGES

[Herr J.L. (2015). Measuring the effect of the timing of first birth on wages // Journal of Population Economics. 29(1): 39-72]

Джейн Лебер Хер исследовала зависимость между откладыванием женщинами первого рождения и их последующими заработками. Многочисленные предшествующие работы показывают, что наличие детей негативно сказывается на уровне заработка женщин. При этом величина потери в доходах зависит от возраста, когда женщина решается стать матерью. Большинство эмпирических исследований свидетельствуют, что откладывание первого рождения на поздние детородные возраста положительно сказывается на кривой прироста зарплаты женщины. Взаимосвязь не линейная. Так, одно из исследований показывает, что при откладывании рождения первого ребенка как минимум до возраста 30 лет исчезает разрыв между последующим доходом женщины и доходом бездетных женщин.

Автор справедливо замечает, что при подобном исследовании уместно говорить не об абсолютном возрасте женщины при наступлении демографических событий, а о разнице во времени выхода на рынок труда и рождения первенца. Предполагается, что негативное влияние рождения ребенка на уровень дохода зависит от того, на какой стадии карьеры женщине приходится брать довольно продолжительный отпуск. В молодом возрасте, на ранних стадиях карьеры, прирост дохода происходит значительно быстрее, чем в более зрелом возрасте. Поэтому потеря именно первых лет трудоустройства наиболее сильно урезает уровень дохода.

Однако возможна и более сложная взаимосвязь, когда женщина сначала рождает ребенка, и лишь затем впервые выходит на рынок труда. Проведение данного разграничения и комплексный анализ взаимосвязи тайминга выхода на рынок труда и рождения первого ребенка - главный вклад статьи, по мнению автора. На удивление, значительна доля женщин в современных США, в жизни которых рождение первого ребенка происходит раньше трудоустройства на полную занятость (рисунок 10).

Рисунок 10. Распределение относительного времени рождения первого ребенка по сравнению со временем начала карьеры (показатель: календарный год рождения первого ребенка минус календарный год начала карьеры)

Примечание: NW - никогда не работавшие женщины; NK - бездетные женщины. Примечательно, что сравнительно малая доля женщин выходят на работу и рожают первенца в один год (0 на графике).

Результаты анализа показывают, что ранее установленная положительная линейная взаимосвязь между откладыванием рождения первого ребенка и уровнем последующего дохода справедлива лишь для женщин, вынужденных прерывать карьеру ради деторождения. Для женщин, сначала родивших первого ребенка, а затем вышедших на работу, подобная взаимосвязь не прослеживается (рисунок 11). Т.е. для уровня дохода женщины не важно, сколько лет пройдет между рождением первенца и выходом на работу, если рождение происходит до начала карьеры.

Рисунок 11. Рост дохода на протяжении карьеры в зависимости от относительного тайминга рождения ребенка по сравнению с выходом на рынок труда для: а) тех женщин, которые сначала начали работать; б) тех женщин, которые сначала родили первого ребенка

HAPPINESS: BEFORE AND AFTER THE KIDS

[Myrskylä M., R. Margolis (2014). *Happiness: Before and after the kids* // *Demography*. 51(5): 1843–1866]

Микко Мюрскюла и Рэйчел Марголис изучают, какое воздействие оказывает появление первого ребенка на субъективное ощущение удовлетворенности родителей. Авторы отмечают, что данная взаимосвязь, до сих пор крайне редко использовавшаяся в качестве объясняющей модели репродуктивного поведения, обладает значительным потенциалом.

Многочисленные предыдущие исследования показывали, что родители подвергаются большему стрессу, чем бездетные. Однако такое сравнение не вполне корректно, поскольку решение заводить детей или нет может скрывать прочие неучтенные различия. Авторы статьи отмечают, что необходимо исследовать изменение уровня счастья

на индивидуальном уровне до и после рождения ребенка. Для этого они используют данные двух панельных обследований в Германии (German Socio-Economic Panel, SOEP) и Великобритании (British Household Panel Survey, BHPS).

Результаты анализа показывают, что рождение ребенка связано с непродолжительным всплеском уровня счастья, который, как правило, завершается через год после появления ребенка. Впрочем, есть значительные различия в зависимости от личностных и социально-экономических характеристик родителей.

Все последующие графики отражают коэффициенты регрессионных моделей при советующих переменных.

Женщины испытывают больший эмоциональный подъем в связи с рождением первого ребенка, чем мужчины (рисунок 12). При этом после периода эйфории их уровень счастья быстрее возвращается на исходные или даже низшие позиции.

Рисунок 12. Изменение уровня счастья до и после рождения первого ребенка в зависимости от пола родителя: А – в Германии; Б – в Великобритании

Любопытны различия по возрасту родителей (рисунок 13). Тут наблюдается отчетливая положительная взаимосвязь между откладыванием рождения первого ребенка и силой положительного эмоционального переживания. Для очень молодых родителей (18-22 лет), видимо, уровень стресса, связанный с рождением первенца, заглушает эффект эмоционального подъема. Наибольшие эмоциональные дивиденды получают люди, ставшие родителями после 35 лет. Примечательно также, что у них уровень удовлетворенности не опускается до изначальных значений вскоре после родов.

Официально зарегистрированный союз родителей положительно отражается на уровне счастья незадолго до и после рождения первого ребенка (рисунок 14). Наблюдаются существенные различия между Германией и Великобританией. Регистрация союза имеет значительно большее влияние в Великобритании.

Уровень образования родителей нетривиально влияет на изменение субъективной удовлетворенности: положительный для мужчин и отрицательный для женщин (рисунок 15). Результаты настолько похожи для Германии и Великобритании, что авторы публикуют их только для большей выборки - Германии.

Рисунок 13. Изменение уровня счастья до и после рождения первого ребенка в зависимости от возраста родителей: А – в Германии; Б – в Великобритании

Рисунок 14. Изменение уровня счастья до и после рождения первого ребенка в зависимости от семейного статуса родителей: А – в Германии; Б – в Великобритании

Рисунок 15. Изменение уровня счастья до и после рождения первого ребенка в зависимости от уровня образования родителей: А - Германия, мужчины; Б - Германия, женщины

Наблюдаются довольно ощутимые различия по очередности рождений. К сожалению, относительная малочисленность рождений высокой очередности не позволяет проводить детальное сравнение в зависимости и от очередности детей, и от характеристик

родителей. Однако примечательно, что сила эмоционального дивиденда от рождения ребенка неизменно убывает с очередностью ребенка (рисунок 16). Вскоре после третьего ребенка наблюдается неуклонное падение уровня удовлетворенности родителей.

Рисунок 16. Изменение уровня счастья до и после рождения ребенка в зависимости от очередности ребенка

Авторы отмечают, что изменения уровня счастья незадолго до и после рождения ребенка предстают сильным объясняющим фактором низкого уровня рождаемости и откладывания деторождения в современном обществе. Вместе с ростом значимости персональных предпочтений при принятии важных решений в жизни возрастает и значение субъективной удовлетворенности. Наблюдаемые различия в уровне удовлетворенности жизнью среди молодых родителей, обладающих неравными ресурсами, могут стимулировать распространение откладывания деторождения.

Авторы оговариваются, что результаты их исследования могут сильно зависеть от временного контекста: данные обследований относятся к 1984-2009 гг., когда в развитых странах повсеместно наблюдалось откладывание деторождений. Было бы некорректно утверждать, что изменения уровня счастья были главной причиной откладывания рождений. Скорее, полученные авторами результаты позволяют в новом свете взглянуть на второй демографический переход.

INTERNAL MIGRATION AND LIFE SATISFACTION: WELL-BEING PATHS OF YOUNG ADULT MIGRANTS

[Switek M. (2016). Internal migration and life satisfaction: Well-being paths of young adult migrants // Social Indicators Research. 125(1): 191-241]

Малгоржата Швитек исследовала, как меняется субъективная удовлетворенность жизнью у молодых мигрантов, совершающих внутренние переселения. Миграции внутри страны, как правило, отчетливо взаимосвязаны с увеличением дохода. Однако взаимосвязь с уровнем счастья не вполне очевидна. Наблюдается ли рост удовлетворенности с перемещением и

зависит ли он от причины переезда?

Автор использовала данные панельного обследования шведской молодежи (Swedish Young Adult Panel Study). Уровень удовлетворенности переселенцев сравнивался с аналогичным показателем для молодых людей, не совершавших миграцию. Кроме того, объем выборки позволил автору провести сравнение по причинам миграции (рабочая и нерабочая миграция) и по длительности эффекта после миграции.

Общий уровень удовлетворенности значительно возрастает после перемещения, связанного с работой. Этот эффект наблюдается и через 10 лет после переезда. При переселении, не связанном с работой, положительный эмоциональный эффект наблюдается лишь в первые 6 лет. По мнению автора, переезд, связанный со сменой работы, как правило, поднимает социально-экономический уровень человека, что в свою очередь оказывает продолжительное положительное влияние на самоощущение человека. Напротив, переезд, не связанный со сменой работы, стимулирует непродолжительный эмоциональный всплеск, как правило, связанный с улучшением жилищных условий; этот эффект довольно быстро улетучивается.

Феномен различного воздействия миграции на уровень удовлетворенности в зависимости от причины миграции, по мнению автора, крайне важен для объяснения наблюдавшихся ранее противоречий в эмпирических работах по теме, в которых обычно мигранты исследовались как целостная категория.

RELATIONSHIP SATISFACTION OF EUROPEAN BINATIONAL COUPLES IN THE NETHERLANDS

[Van Mol C., H.A.G. de Valk (2016). Relationship satisfaction of European binational couples in the Netherlands // International Journal of Intercultural Relations. 50: 50-59]

Кристоф Ван Мол и Хельга де Вальк изучали удовлетворенность отношениями в смешанных партнерских союзах и браках, в которых хотя бы один их партнеров не голландец, точнее - европеец (изучались последствия внутриевропейской миграции). Для исследования использовались уникальные данные собственного обследования смешанных пар в Голландии. Всего было опрошено 898 пар, из которых 674 были смешанными.

Примечательно, что смешанные пары отличаются на статистически значимом уровне от голландских по нескольким параметрам. Уровень образования в смешанных парах несколько выше, чем у "аборигенов", при этом они занимают более низкие социально-экономические позиции и испытывают меньше социальной поддержки. В среднем продолжительность мононациональных союзов чуть больше, чем смешанных. По остальным переменным статистически значимых различий нет.

Главный результат (таблица 3) регрессионного анализа заключается в том, что иммигранты в смешанных союзах склонны выше оценивать свою удовлетворенность отношениями, чем живущие в мононациональных союзах и (!) чем голландцы, живущие в смешанных союзах. Помимо этого, есть значимые различия в уровне удовлетворенности

всех респондентов в зависимости от некоторых персональных характеристик. Живущие в браке более счастливы, чем сожительствующие. Наличие детей негативно отражается на удовлетворенности отношениями. Уровень социальной поддержки положительно связан с удовлетворенностью отношениями. Также небольшой отрицательный эффект имеет продолжительность союза.

Таблица 3. Пошаговая регрессия, зависимая переменная - удовлетворенность отношениями (число наблюдений 772)

Переменная	Модель 1		Модель 2		Модель 3	
	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.
Пересечение	8,77***	0,80	7,72***	0,31	7,30***	0,45
Тип пары (реф.: оба голландцы)						
голландец-европеец	-0,12	0,12	-0,19	0,12	-0,22	0,12
европеец-голландец	0,23*	0,11	0,27**	0,11	0,28**	0,11
Семейный статус (реф.: сожительство)						
сперва сожительство, потом брак			0,50***	0,11	0,48***	0,11
брак			0,63***	0,19	0,63***	0,19
дети			-0,45***	0,10	-0,47***	0,10
социальная помощь			0,29***	0,06	0,29***	0,06
Продолжительность отношений			-0,02*	0,01	-0,02	0,01
Возрастная близость			0,01	0,11	0,06	0,11
Пол (реф.: мужской)					-0,03	0,10
Занятость респондента (реф.: безработный)					-0,06	0,15
Занятость партнера (реф.: безработный)					-0,03	0,14
Социальное положение					-0,07*	0,04
Образование (реф.: начальное)						
среднее					-0,05	0,17
высшее					0,07	0,17
Образование партнера (реф.: начальное)						
среднее					0,02	0,15
высшее					0,17	0,15
R ²	0,01		0,10		0,12	
Изменение F для R ²	5,38*		12,00***		1,72	

Примечания: приведенные значения – это бутстрапированные коэффициенты, основанные на 5000 бутстрап выборках. * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; *** - $p < 0,001$.

В размышлении над полученными результатами авторы предполагают, что голландцы, живущие в смешанных союзах, вероятно, подвергаются большему негативному социальному давлению, чем их партнеры. Большая же удовлетворенность мигрантов в бинациональном союзе - результат, согласующийся с предыдущими аналогичными исследованиями. Также результаты согласуются с многочисленными работами, фиксировавшими более высокий общий уровень удовлетворенности жизнью у мигрантов по сравнению с людьми, не совершавшими миграции.

К сожалению авторов, сравнительно небольшой масштаб собственного обследования не позволил им надежно дифференцировать мигрантов в смешанных союзах по странам исхода. Однако небольшой дополнительный анализ вариации, в котором иммигранты были сгруппированы по макрорегионам Европы, показал, что голландцы в смешанных союзах испытывают меньшую удовлетворенность отношениями, чем выходцы из Великобритании, Северной, Западной и Южной Европы, но примерно такую же, как мигранты из стран Восточной Европы. Видимо, играют роль различия менталитета, а также, возможно, отношение к браку, семье и гендерным ролям.

A LONG-STANDING DEMOGRAPHIC EAST–WEST DIVIDE IN GERMANY

[Klüsener S., J.R. Goldstein (2016). A Long-standing demographic East–West divide in Germany // Population, Space and Place. 22(1): 5–22]

Многочисленные исследования отмечали колоссальные демографические различия между Восточной и Западной Германией. Особую популярность тема приобрела после воссоединения страны, когда объединенная статистика со всей отчетливостью проявила картину. Объяснения в основном связаны с различиями социально-экономических условий и путей развития двух Германий после Второй мировой войны. Однако Себастиан Ключнер и Джошуа Гольдштейн призывают заглянуть чуть дальше в прошлое и показывают, что и до 1945 г. Восточная Германия сильно отличалась от Западной. Для углубленного анализа авторы выбрали показатель, отражающий социальные различия в формировании семей – доля детей, рожденных вне брака. В восточной Германии рождение детей вне зарегистрированного союза стало статической нормой. Однако и в довоенные годы распространенность внебрачных рождений в Восточной части страны была выше в 2 раза (рисунок 17).

На современных данных (2009 г.) авторы дополнительно проводят регрессионный анализ, выясняя, какие характеристики матерей в наибольшей степени объясняют вероятность рождения ребенка вне брака. Подобное сравнение позволяет оценить, насколько существенным может быть сближение регионов Восточной и Западной Германии при различных сценариях изменения таких показателей, как экономическое благополучие, уровень секуляризации, национальный состав населения.

Всего авторы использовали 4 спецификации модели. Первая (базовая) модель показала, что в современной Германии вероятность рождения ребенка вне брака в 4,4 раза выше в Восточной части страны. При добавлении демографических переменных (возраст матери и очередность рождения) во второй модели этот разрыв увеличивается до 4,7. Таким образом, демографические характеристики не объясняют суть различий между Востоком и Западом. В третьей модели были добавлены социальные переменные (религиозная принадлежность, национальность и политическая активность матери, а также плотность населения в районе), в результате чего отношение шансов для Восточной Германии снизилось до 2,7. Добавление в четвертой модели экономических переменных снизило отношение шансов до 1,8. Иными словами, социально-экономические переменные объясняют часть различий, но значительный (почти двукратный) отрыв Восточной Германии по вероятности рождения детей вне брака остается.

Из прочих любопытных соотношений коэффициентов стоит отметить, что (при прочих равных значениях по всем переменным в наиболее полной спецификации модели 4) вероятность внебрачного рождения: 1) у тинэйджеров в 11-13 выше, чем у женщин в возрасте 25-29 лет; 2) максимальна при рождении первого ребенка; 3) у нерелигиозных женщин выше, чем у религиозных (вне зависимости от вероисповедания); 4) почти в 3 раза выше у африканских женщин, чем у немцев, при этом у всех прочих иммигрантов ниже, чем у немцев; 5) немного выше в регионах с большей безработицей.

A.

a) 1878

Source: State Statistical Offices of the German Empire, own calculations

Base Map: MPIDR Population History GIS-Collection (2014)

Б.

b) 1937

Source: German Imperial Statistical Office

Base Map: MPIDR Population History GIS-Collection (2014)

B.

c) 2009

Source: Federal Statistical Office of Germany

Base Map: BKG (2010)

Рисунок 17. Доля внебрачных рождений в Германии:

А – 1878; Б – 1937; В – 2009

В заключение проведенного анализа авторы отмечают, что географические различия в распространенности внебрачных рождений в Германии появились задолго до разделения страны на ФРГ и ГДР и, скорее всего, они сохранятся в будущем даже при стремительной конвергенции прочих социально-экономических показателей.

BIRTH ORDER AND MORTALITY: A POPULATION-BASED COHORT STUDY

[Barclay K., M. Kolk (2015). *Birth order and mortality: A population-based cohort study* // *Demography*. 52(2): 613-639]

Кирон Барклай и Мартин Кольк задались вопросом, влияет ли очередность рождения на уровень смертности во взрослом возрасте. Для этого они проанализировали данные шведского регистра населения, содержащие информацию обо всех без исключения жителях страны. Были отобраны только случаи смерти в возрасте от 30 до 69 лет в когортах 1938-1960 годов рождения. Сравнение проводилось только "внутри семей", т.е. из оставшихся случаев смерти для анализа были отобраны только те, где имелась информация также о смерти брата или сестры из тех же когорт в том же возрастном интервале. Контрольными переменными в логистической регрессии выступали год смерти, возраст на момент смерти, принадлежность к когорте рождения и возраст матери на момент рождения.

Рисунок 18. Внутрисемейные различия в вероятности смерти в возрасте 30-69 лет в зависимости от очередности рождения, Швеция, когорты 1938-1960 годов рождения

Примечание: Отрезки обозначают 95%-доверительные интервалы.

Результаты анализа показали, что вероятность смерти во взрослом возрасте выше у каждого следующего ребенка в семье (рисунок 18). При этом увеличение смертности с очередностью рождения быстрее растет у женщин, чем у мужчин.

В дополнительной модели в качестве контрольной переменной добавлен социально-экономический статус, что отчасти смягчает различия.

Сравнительно небольшой объем выборки не позволяет делать выводы при анализе смертности по причинам смерти на статистически значимом уровне, однако некоторые закономерности все же бросаются в глаза (рисунок 19). Наибольшие различия между братьями и сестрами наблюдаются в смертности от внешних причин.

Рисунок 19. Различия по основным группам причин смерти: А - мужчины; Б - женщины

В качестве одного из возможных объяснений большего наблюдаемого эффекта у женщин авторы предлагают селективность смертности. Дело в том, что в выборку для анализа попадали лишь дожившие до 30 лет; а поскольку смертность у мужчин выше во всех возрастах, подобное ограничение означает, что попавшие в выборку мужчины прошли заведомо более "жесткий отбор", чем женщины.

Одним из наиболее существенных ограничений своего исследования авторы считают вынужденную низкую границу выбранных возрастов - 70 лет. Все же в современной Швеции большая часть смертей происходит в более зрелых возрастах. Но это ограничение относится к источнику данных. Надо набраться терпения - дальше будет интереснее.

DEMOGRAPHIC DIGEST

ILYA KASHNITSKY

ILYA KASHNITSKY. NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RUSSIA). PhD researcher at University of Groningen (RUG) and Netherlands Interdisciplinary Demographic Institute (NIDI).
E-MAIL: ikashnitsky@hse.ru.

- Sanderson W.C., S. Scherbov. *Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging*
- Dukhovnov D., E. Zagheni. *Who takes care of whom in the United States? Time transfers by age and sex*
- Wahrendorf M. *Previous employment histories and quality of life in older ages: sequence analyses using SHARELIFE*
- Norberg K., J. Pantano. *Cesarean sections and subsequent fertility*
- Fox J., M. Myrskylä. *Urban fertility responses to local government programs: Evidence from the 1923-1932 U.S.*
- Herr J.L. *Measuring the effect of the timing of first birth on wages*
- Myrskylä M., R. Margolis. *Happiness: Before and after the kids*
- Switek M. *Internal migration and life satisfaction: Well-being paths of young adult migrants*
- Van Mol C., H.A.G. de Valk. *Relationship satisfaction of European binational couples in the Netherlands*
- Klüsener S., J.R. Goldstein. *A long-standing demographic East–West divide in Germany*
- Barclay K., M. Kolk. *Birth order and mortality: A Population-based cohort study*